

Пролог

Легендарный начальник столичной сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был родом из Нового Оскола, утопающего в садах уездного городка на юге Курской губернии. Прожив почти полвека в Петербурге, он сохранил мягкие манеры и выговор южанина, произносил «ахенты» вместо «агенты», любил вареники с вишнями, к старости всё чаще видел во сне меловые скалы над Осколом, после чего всякий раз просыпался в слезах, но на родину его никогда не тянуло. Природа севера была ему милее.

Выйдя по болезни в отставку, весной 1893 года он оставил свою городскую квартиру сыну и обосновался в счастливо купленном когда-то старом помещичьем доме с верандой и яблоневым садом на высоком берегу Волхова. До ближайшей железнодорожной станции отсюда было четыре версты, зато с речного обрыва открывался такой вид, что от красоты и простора щемило сердце. Здесь, на сельском кладбище, лежала жена Ивана Дмитриевича, здесь он безвыездно прожил до самой смерти. Судьба отпустила ему еще пять с половиной месяцев.

Вскоре после переезда Иван Дмитриевич писал сыну: «У меня созрела мысль разработать и издать в виде записок накопившийся в продолжение моей служебной деятельности любопытнейший материал, который мог бы составить что-то вроде уголовной хроники нашей северной столицы за последние тридцать лет. Не попытаешься ли ты заинтересовать этим проектом какого-нибудь солидного издателя?»

Под словом «солидный» подразумевался тот, кто в состоянии хорошо заплатить. Будучи небогатым человеком, Иван Дмитриевич понимал, что для него это единственный способ заработать хоть какие-то деньги.

Само собой, мемуары великого сыщика могли стать ходким товаром. Издатель нашелся быстро, и не один. Иван Дмитриевич выбрал самого щедрого, взял аванс и с увлечением засел за работу. Он привел в порядок свой архив, завел картотеку, составил детальный план будущих записок, придумал названия глав и подобрал к ним эпитафии, затем дело как-то застопорилось. Всё, казалось, было продумано до мелочей, но по мере того как усложнялся этот план, включая в себя новые пункты и подпункты с римскими или арабскими цифрами, всё бледнее становились картины прошлого, поначалу ослепительно яркие. Однажды утром Иван Дмитриевич с грустью осознал, что чем подробнее план, тем труднее претворить его в нечто большее. Он попробовал писать совсем без плана, но и тут успеха не добился. Не помогали ни кофе, ни крепкий чай. Наконец кто-то из знакомых, кому он жаловался в письмах, рекомендовал в помощники столичного литератора Сафронова, автора двух повестей в «Русском вестнике». Заочно сошлись на том, что за свой труд он получит треть обещанного издателем гонорара, и в августе Иван Дмитриевич встретил гостя на станции в четырех верстах от дома. Это был

изящный рыжеватый блондин лет под сорок, вежливый и аккуратный. Его багаж уложили на подводу, сами пошли пешком. Погода стояла райская, на небе ни облачка.

— Красота какая! — восхитился Сафронов.

— Да, места у нас чудесные, — с гордостью ответил Иван Дмитриевич.

Шли полями, вдали уже видна была сверкающая на солнце река. Сафронов сосал травинку.

— Сколько, — спросил он, деловито щурясь, — нам понадобится времени?

— На что? — не понял Иван Дмитриевич.

— На всё про всё. Как долго я у вас проживу?

— Если ежедневно я стану рассказывать по одной истории, то, думаю, около месяца.

— По две-то не выйдет?

— Есть такие, что можно и по две, но немного. Так что рассчитывайте на месяц.

— Я думал, за неделю управимся.

— Зато отдохнете на свежем воздухе. За грибами пойдем, на рыбалку можно съездить.

— А как вы собираетесь организовать наш рабочий день?

— Вы спите после обеда? — в свою очередь поинтересовался Иван Дмитриевич.

— Нет. У меня нет такой привычки.

— У меня тоже. Значит, прямо сегодня и приступим. Я буду говорить, вы — записывать. Всё очень просто. Для скорости советую пользоваться карандашом, причем не граненым, а круглым. Не то мозоль на пальце обеспечена.

— Не всё так просто, как вам кажется. Мне придется изрядно попотеть, чтобы изменить мой стиль до полной неузнаваемости.

— Это еще зачем?

— У меня есть свой читатель, — объяснил Сафронов, — и он сразу смекнет, чьей рукой написаны ваши мемуары.

Обедали на веранде. Здесь же Иван Дмитриевич сам сварил на спиртовке кофе и разлил его по чашкам. Затем, вручив Сафронову план своих записок, он предложил:

— Выбирайте, что понравится. С этого и начнем.

Сафронов прочел заголовки первых трех глав: «Зверское убийство на Рузовской улице», «Кровавое преступление в Орловском переулке» и «Смерть на Литейном».

— Несколько однообразно, — заметил он, проглядев список до конца.

Дальше менялись лишь названия улиц и варьировались эпитеты: одно убийство именовалось «кошмарным», другое — «страшным» и так далее.

— Увы! — развел руками Иван Дмитриевич.

Сафронов пригубил кофе и, возвращаясь к началу реестра, спросил:

— На Рузовской кого убили?

— Прачку Григорьеву.

— А в Орловском переулке?

— Дворника. Фамилия — Клушин.

— Нет ли кого-нибудь починовнее?

— Есть, разумеется. «Смерть на Литейном» — это про барона Фридерикса из Департамента государственных имуществ.

— Его зарезали или застрелили?

— Ни то и ни другое. Орудием убийства послужили щипцы для колки сахара.

— Раскаленные?

— С чего вы взяли?

— Я так понял, что его пытали с помощью этих щипцов и он умер под пыткой.

— Бог с вами! Стукнули сзади по темени, и готово. Старинные бронзовые щипцы, весят, наверное, фунта полтора.

Сафронов слегка поморщился:

— А так, чтобы кинжалом или из револьвера? Такие имеются?

— Да, но тут уж одно из двух: или пистолет и дворник, или барон и щипцы. Это я, — пояснил Иван Дмитриевич, — типизирую и обобщаю. Вместо барона может быть полковник, вместо щипцов — что угодно. Вот, например, — указал он в середину списка, на главу «Загадочное преступление в Миллионной улице», — есть даже один князь, которого задушили подушками.

— Князь? — оживился Сафронов.

— Да, князь фон Аренсберг, австрийский военный атташе в Петербурге. Точнее — военный агент, как говорили в то время.

— В какое время?

— В 1871 году.

— Кто же его убил?

— Ну, если я так сразу и скажу, вам неинтересно будет слушать. Хотя...

Иван Дмитриевич вышел с веранды в комнату. Через минуту он вернулся, держа в руке исписанный лист бумаги.

— Тут у меня два эпиграфа к этой главе. Они создадут определенный настрой и, возможно, кое-что вам подскажут.

— Почему их два?

— История такова, что одного недостаточно. Во всяком случае, я такого подобрать не сумел.

«Здесь, — начал читать Сафронов, догадываясь, что речь идет о какой-то английской книжной лавке, — еще

продаются по шесть пенсов за штуку “Золотой сонник” и “Норвудский прорицатель” с изображенной на обложке молодой женщиной, возлежащей на диване в столь неудобной позе, что становится понятно, почему ей одновременно снятся пожар, кораблекрушение, землетрясение, скелет, церковные ворота, молния, похороны и молодой человек в ярко-синем сюртуке и панталонах канаречного цвета».

Ниже указывался автор, из которого это было почерпнуто: Чарльз Диккенс.

Второй эпиграф был гораздо короче и уместился всего в одну строку:

«Пришел посол нем, принес грамоту неписану».

— Что это? Откуда? — спросил Сафронов, не обнаружив указания на источник.

— Древняя русская загадка, автор неизвестен.

— А разгадка?

— Имеется в виду голубь, принесший Ною в ковчег оливковую, кажется, веточку в клюве.

— Полагаете, этого мне хватит, чтобы самому всё понять?

— Не знаю. Зависит от вашей проницательности.

— Ладно, — решил Сафронов, — рассказывайте. Начнем с этого князя.

Из стоявшего на столе стакана с карандашами он, манкируя советом Ивана Дмитриевича, вытянул граненый, очиненный как для смертоубийства, и торжественно раскрыл одну из привезенных с собой толстых тетрадей в зеленой дерматиновой обложке.

В доме с верандой и яблоневым садом Сафронов прожил до середины сентября, потом, вернувшись в Петербург, где то и дело приходилось отвлекаться на газетную поденщину, еще несколько месяцев обрабатывал свои записи. Лишь следующей весной книга вышла в свет

под названием «Сорок лет среди убийц и грабителей», но сам Иван Дмитриевич так и не успел подержать ее в руках. В ноябре 1893 года он в две недели сгорел от инфлюэнцы, осложненной отеком легких. Похоронили его рядом с женой. Деньги от издателя получил Путилин-младший, он же честно выплатил Сафронову обещанную долю.

При жизни Иван Дмитриевич был фигурой загадочной: никому из газетных репортеров ни разу не удалось взять у него интервью. Свое дело он предпочитал делать молча. О нем ходило множество легенд, где он являлся то полицейским Дон Кихотом, то русским Лекоком, то фантастически метким стрелком из пистолета, силачом, гнувшим подковы, тайным раскольником, или крещеным евреем, или раскаявшимся душегубом, который носит на теле какие-то уличающие его знаки, — но после того, как вышла и выдержала ряд изданий написанная Сафроновым книга, перед публикой предстал обыкновенный господин с пышными бакенбардами, в меру честный, в меру хитрый, в меру образованный. Постепенно легенды о нем начали забываться, печатное слово оказалось сильнее. Тайна исчезла, потух ореол, окружавший имя Ивана Дмитриевича, а отсюда оставался уже один шаг до полного забвения.

Оно и не заставило себя долго ждать.

Трудно судить, Сафронов тут виноват или просто время потребовало иных героев, но в именном указателе столетия фамилия Путилина не значится. Между тем ее следует внести туда хотя бы в связи с делом об убийстве князя фон Аренсберга. Драма, разыгравшаяся на Миллионной улице в ночь на 25 апреля 1871 года, грозила России настолько серьезными дипломатическими осложнениями, что они могли изменить ход истории. Сафронов, надо отдать должное его интуиции, сделал удачный вы-

бор. Излагая события этой драмы, он, правда, в угоду невзыскательному читателю кое-где позволил себе отступить от подлинных фактов, кое-что присочинил, кое о чем умолчал, но одна из дошедших до нас тетрадей в зеленой дерматиновой обложке сохранила рассказ Ивана Дмитриевича во всей его первозданной прелести.

Глава 1

ГАБСБУРГСКИЙ ОРЕЛ

1 В то утро Иван Дмитриевич, как обычно, читал за завтраком «Санкт-Петербургские ведомости». Это была единственная газета, которую он выписывал, потому что ее одну позволялось выписывать на дом за казенный счет. Жена очень гордилась этой привилегией, доступной, по ее мнению, лишь избранным.

Трехлетний Ванечка уже проснулся и возил по полу ярко раскрашенную игрушечную бабочку на длинной палке. Под брюшком у бабочки находилось колесико, при движении ей надлежало поднимать и опускать жестяные крылья, но поднималось и опускалось только одно. Второе висело неподвижно.

— Починил бы, — сказала жена. — Там всего-то один гвоздик вбить.

— Починю, починю, — заученно ответил Иван Дмитриевич.

— Когда?

— Вечером.

— Вторую неделю обещаешь, а ребенку вредно играть с уродцами. Плохо влияет на нервную систему, я это по себе знаю. В детстве у меня почти все куклы были с оторванной ручкой или ножкой.

— Странно. Вы ведь вроде не бедствовали.

— Не в том дело. Впоследствии выяснилось, что мать сама их потихоньку калечила.

— Твоя мать?

— Да, у нее была масса идей по части воспитания, главным образом нравственного. Она хотела, чтобы я училась любить моих кукол даже изувеченными и тем самым развивала бы в себе чувство сострадания. И что из этого вышло?

— Что? — снова погружаясь в газету, осведомился Иван Дмитриевич.

— Забыл, какая я была нервная, когда мы с тобой поженились? Чуть что, в слезы. Просто комок нервов.

Как понял Иван Дмитриевич, сыну предстояло повторить ее скорбный путь, если второе крыло не будет починено.

— Сколько тебе сахара? — спросила жена, ставя перед ним стакан с чаем. — Два куска или три?

— Три.

— Спрашиваю еще раз: три или два?

— Два.

— Так и будешь, — взорвалась она, — как попугай, повторять мое последнее слово? С тобой невозможно разговаривать! Убери ты эту чертову газету! У тебя большой желудок, утром опять изо рта пахло. Хочешь окончательно испортить себе пищеварение?

Иван Дмитриевич отложил газету и посмотрел на часы. У него еще было в запасе минут пятнадцать.

Не притрагиваясь к чаю, он прошел в чулан, принес оттуда молоток и жестянку с гвоздями, взял у сына бабочку.

— Ты что, Ваня? — заволновалась жена. — Не собираешься пить мой чай?

То, что находилось в стакане, называлось у нее то ласково «мой чай», то — с ноткой педагогической стали

в голосе — «твой чай», но на самом деле это был сотворенный по рецепту какой-то соседки травяной отвар с небольшой долей настоящего черного чая, под который жена тоже вела подкоп, чтобы заменить его полезным для желудка зеленым.

— Время останется — выпью, — сказал Иван Дмитриевич, выбирая подходящий гвоздь. — Не останется — обойдусь без твоего чая.

— Убери молоток, — велела жена. — Нам с Ванечкой не нужны от тебя такие жертвы. Правда, сынок? Скажи папеньке, пусть он отдаст тебе бабочку и выпьет чай.

— Нет! — топнул ножкой Ванечка.

В этот момент позвонили у дверей.

Выходя в переднюю, Иван Дмитриевич думал увидеть там кого-нибудь из своих доверенных агентов, за просто забегавших к нему на квартиру в случае надобности, но увидел незнакомого молодого офицера в синей жандармской шинели.

— Ротмистр Певцов, — представился он. — Я от графа Шувалова, его сиятельство просит вас немедленно прибыть в Миллионную по чрезвычайно важному делу. Экипаж к вашим услугам, ждет внизу.

— А что случилось?

— На месте всё узнаете. Прошу вас поторопиться.

— Он еще чаю не пил, — басом сказала жена, появляясь из-за портьеры.

— Пожалуйста, господин Путилин, объясните вашей супруге, кто такой граф Шувалов.

— Это, дорогая, начальник Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии и шеф Корпуса жандармов, — объяснил Иван Дмитриевич, понимая, впрочем, что влияние Петра Андреевича Шувалова выходит за рамки даже этих умопомрачительных должностей.